

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОДИРОВАННОЙ ПОТРЕБНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современным трендом отечественной лингвистики начала тысячелетия следует признать направление, поставившее своей целью изучить процессы и включенные в них феномены бытия, связанные с удовлетворением Homo sapiens своих витальных и иных потребностей. Эти процессы непременно протекают в социально обусловленной среде общения, таким образом представляется справедливым и логичным их обобщающее обозначение А.В. Оляничем и Т.Н. Астафуровой термином «потребностная коммуникация» [1]. Авторы ведут речь о разнообразных типах общения, в рамках которых человек оперирует знаками – вербальными и невербальными – с целью удовлетворения потребностей, говорит о потребностях, о способах их реализации и т.п.

Так, исследователи отмечают: «Любая коммуникация носит потребностный характер: мы вступаем во взаимодействие с себе подобными, «держая в уме» определенные цели, решая специфические задачи, которые призваны удовлетворить наши нужды самого разнообразного свойства. Языковая личность – это, помимо прочих разнообразных ипостасей, еще (а возможно, и прежде всего) Homo Consummatus – Человек потребляющий. Мир осваивается им когнитивно, но сформированные в результате такого освоения семиотические структуры подвергаются в дальнейшем процессу утилизации: мы потребляем мир, его продукты в физиологическом смысле, а знаки, денотирующие их в языке и речи – да простят нам эту метафору, – «потребляются» нами в ежедневной коммуникации» [1, 247].

Для широкомасштабного лингвистического исследования сферы витальных потребностей Т.Н. Астафурова и А.В. Олянич сформулировали положения и задачи отдельной дисциплины – лингвосемиотики витальных потребностей, которая призвана осуществить «... системное изучение процесса воплощения разнообразных типов потребностей в кластерах языковых и не-

языковых знаков, выступающих как отдельные лексические номинации, языковые и речевые формулы, вербальные комплексы, способствующие формированию различных типов / видов текста / дискурса» [1, 247].

В качестве задач лингвосемиотики витальных потребностей ученые обозначили:

- определение и рассмотрение множественных взаимосвязей витальных потребностей с процессом формирования коммуникативной сферы общества и его членов;
- выявление и описание динамики процессов семиотизации удовлетворения таких потребностей людьми в наше время;
- изучение и описание языковых и неязыковых знаков, которые языковая личность создает и включает в коммуникацию одновременно с поступательным ходом когнитивного освоения окружающей действительности и порождения коммуникативного процесса в целом (авторы именуют этот процесс «дискурсоразвертыванием») с целью создания типологии таких знаков [1].

Т.Н. Астафурова и А.В. Олянич для решения этих задач предложили применить исследовательскую модель, успешно апробированную ими и их учениками. Эту модель они назвали «знак → слово → текст / дискурс». Говоря об объяснительной силе этой модели, исследователи отмечают, что она «...заключается в том, что оказывается возможным дать полную характеристику процесса актуализации потребности в коммуникации через следующие исследовательские процедуры: описание качества знаков окружающей человека действительности, вовлекаемых в процесс общения; анализ значения этих знаков, т. е. анализ семантики лексических номинаций и иных вербальных комплексов (устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, паремий), рефлектирующих ту или иную потребность; исследование качеств коммуникативной среды и условий для актуализации значений знаков, соответствующих данной потребности, т. е. исследование собственно процесса специфического дискурсоразвертывания» [1, 249].

Для нас в этой связи релевантны два термина; во-первых, это термин *потребностная коммуникация*; он рефлектирует феномен, который представляет собой «...общение, целью которого является удовлетворение первичных и вторичных нужд коммуникантов, первые из которых связаны с поддержанием жизни, повышением ее качества; вторые – с получением

удовольствия, как физического, так и духовного (или, если угодно – культурно-обусловленного)» – см. подробно об этом в (Олянич 2007:234); второй термин – *лингвосемиотика потребностей*, введенный Т.Н. Астафуровой и А.В. Оляничем [1], и, по мнению авторов, его объяснительная сила базируется на следующем тезисе: «Потребностная сфера бытия – широкое поле деятельности для особого раздела лингвистики, который мы предлагаем именовать *лингвосемиотикой потребностей*. В рамках этого направления сегодня осуществляется системное изучение процесса воплощения разнообразных типов потребностей в кластерах языковых и неязыковых знаков, выступающих как отдельные лексические номинации, языковые и речевые формулы, вербальные комплексы, способствующие формированию различных типов / видов текста / дискурса» [1, 250].

Говоря о лингвосемиотической актуализации потребностей в коммуникативном процессе, важно также иметь в виду такую особенность общения, как его кодированный характер. Известно достаточно широко (и это может восприниматься как банальный трюизм), что язык – и речь являются кодами: некая информация «шифруется» инициатором общения, затем передается «своему» реципиенту, который ее затем расшифровывает после определенной когнитивной обработки («понимает сообщение»), т.е. декодирует полученную информацию.

На уровне монотонно-лингвального этноса (общества говорящих на одном языке) процессы кодирования / декодирования протекают преимущественно бессознательно, за исключением тех случаев, когда осуществляется процесс активного познания, и необходимо истолкование сказанного инициатором общения. Здесь имеется в виду тот дидактический случай, когда надо объяснить смысл незнакомого слова, прояснить значение той или иной реалии, уточнить сущность незнакомого события и т.п. Это как раз та ситуация, когда релевантно обращение к толковому словарю, лексикографическому справочнику, энциклопедии и т.д., где словознак – код, а его толкование – ключ к пониманию словознака. В коммуникации же разных этносов имеет место ситуация «наоборот»: межэтническое общение как раз преимущественно кодированно, сказанное носителем одного языка есть код, а понимаемое его антиподом – декодируемое сообщение.

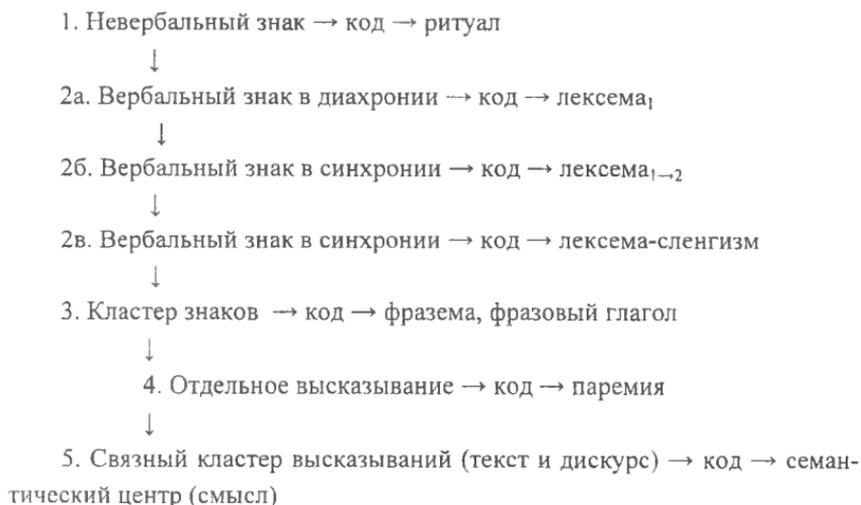
Очевидно, тем не менее, что баланс между бессознательным – сознательным когнитивным процессом существует, и всю коммуникацию при-

ходится признавать как процесс, полностью или частично представляет собой обмен кодами разной степени открытости для понимания и освоения картины мира. Таким образом, потребностная коммуникация может также пониматься как кодированная, предполагающая, что удовлетворение потребностей осуществляется людьми на фоне их постоянного взаимодействия в ходе трудового и иных процессов, связанных с освоением окружающей действительности и постоянного познания. Эти процессы поначалу закрыты или частично закрыты для понимания общающихся, однако, в ходе общения происходит их раскрытие, освоение, т.е. декодирование.

Фактически мы имеем дело с некоторой матрицей общения, сущность которой заключается в алгоритме постоянного раскрытия кодов или их переключения. «Работа» этого алгоритма обнаруживается на всех уровнях общения, что представлено на следующей схеме:

Схема 1

**Лингвосемиотическая матрица
кодированной потребностной коммуникации**

Раскроем далее механизм «работы» предложенного алгоритма матрицы кодированной потребностной коммуникации.

1. Невербальный уровень.

Итак, на уровне невербального общения в кодированной потребностной коммуникации невербальные знаки имеют визуальный характер. Они рефлектируют некоторые процессы, поначалу непонятные реципиенту и сами по себе составляют кодированное сообщение; окончание процесса, его целостное восприятие реципиентом складывается в когнитивно освоенную «картинку» – ритуал – и становится понятным (декодированным). Применительно к гастрономической (глуттонической) коммуникации, т.е. общению по поводу добычи, приготовления, подачи и потребления пищи и питья, этот процесс может быть представлен как формирование некоторого ритуала, связанного с удовлетворением потребности в пище. Так, в англоязычной гастрономической коммуникативной ситуации дегустации виски (напиток whiskey) – представляет собой знак: **whiskey** (also **whisky**); plural *whiskeys* also *whiskies*; noun. 1. An alcoholic liquor distilled from grain, such as corn, rye, or barley, and containing approximately 40 to 50 percent ethyl alcohol by volume. 2. A drink of such liquor (АНДЕЛ)¹, который воылекается в целый дегустационный ритуал «5S» согласно установленному порядку. Он состоит из пяти этапов – *Sight*; *Smell*; *Swish*; *Swallow*; *Splash*.

1) *Sight* (посмотреть): до того, как открыть бутылку, предварительно оценить цвет напитка, ознакомиться с цветом и его оттенками, налив его в специальный сужающийся кверху бокал с тонкими стенками, которые позволяют в полной мере и без оптических искажений насладиться игрой света.

2) *Smell* (понюхать): подержать бокал в руках, дать напитку согреться, чтобы высвободить широкую гамму запахов.

3) *Swish* (посмаковать): не спешить глотать, «погонять» маленький глоток виски по языку, прочувствовать его вкус.

4) *Swallow* (проглотить): делать это не спеша, чтобы оценить, насколько резок или мягок напиток.

5) *Splash* (налить воды): вода поможет виски быстрее раскрыть вкус и аромат.

---

¹ Здесь и далее дефиниции лексем и данные по их этимологии приводятся по словарю *The American Heritage® Dictionary of the English Language, Third Edition* © 1996 by Houghton Mifflin Co.

2а. Вербальный диахронный уровень.

На этом уровне потребностной кодированной коммуникации этимология фиксирует первоначальное видение человеком определенного исторического периода развития социума того или иного феномена мира. Соответственно им осуществляется кодировка этого феномена и превращение его в языковой (вербальный) знак. Так, в англосаксонский период в гастрономическую коммуникацию были вовлечены такие знаки, как *heardhara* – кефаль; *smelt* – сардина; *hæfern* – краб; *orf, orfcynn, hríðer* – рогатый скот в целом; *fahame* – ячмень; *more* – корнеплоды; *cípe* – лук.

Эти лексемы на протяжении долгого времени были в речевом обороте этносоциума, однако, в силу исторических обстоятельств (приход норманнов и завоевание ими Британии) оказались вытесненными из речеупотребления другими лексемами, которые после такой замены остались в английском языке и бытуют в нем и сегодня. Таким образом, в матрице кодированной потребностной коммуникации осуществлен переход на следующий подуровень:

2б. Вербальный синхронный уровень.

Как свидетельствуют этимологические словари, произошло «переклочение кода» – первичные лексемы были заменены вторичными, заимствованными: кефаль – *heardhara* → mullet; сардина – *smelt* → sardine; краб – *hæfern* → crab; рогатый скот в целом *orf, orfcynn, hríðer* → cattle, livestock; neat cattle, ox, bull, cow, heifer; ячмень (*fahame* → peeled barley, pearl-barley) корнеплоды (*more* → carrot, parsnip); репчатый лук (*cípe* → onion).

2в. Вербальный синхронный сленгизованный уровень.

Данный уровень можно расценивать как центр, на котором происходит самый ответственный этап кодированной коммуникации. Здесь располагается обилие единиц, носящих наиболее герметизированный в смысловом отношении характер. В гастрономической потребностной коммуникации подобной смысловой герметичностью (кодированностью) характеризуются такие сленгизмы как: *to die on the pass* (a bout a cooked dish) to become cool, loose taste, worsen when not served to client in time because of the wairer was lazy; *to run the dish* – to carefully ferry the food out of the kitchen and accurately serve it to a client; *a gamer* – a cook who is good at preparing game dishes, such as deer tongue in cranberry sauce.

3. Уровень фразеологии.

На уровне формирования устойчивых словосочетаний – фразеологизмов, фразовых глаголов – также осуществляются процессы кодирования / декодирования. Ментальные операции сравнения, уподобления, поиска сходств и различий позволяют создать некоторый образ, который кодируется в языке, репрезентируется в знаках, внутренняя форма которых затем декодируется в речи. Применительно к англоязычной гастрономической (потребностной) коммуникации можно говорить о таких процессах в формировании значений следующих фразеознаков: to **whip up** – to produce or prepare (a meal) very quickly; to **eat out** – to eat away from home, usually in a restaurant; to **slice off** – to divide or cut sth from a larger piece.

В то же время, по словам Гашимова Э.А. пищевая (потребностная) сфера сама выступает как код по отношению к коммуникации в социальном смысле термина: фразеологизмы со значением гастрономического типа своеобразно переключают это значение на обозначение социального или социально значимого явления в обыденном общении этносоциума. Так, такое переключение гастрономического кода в код социальный обнаруживается в таких единицах как *dog's dinner* = a person who is despised; a nuisance; *like a dog's dinner* = awesome, very luxurious; *have one's finger in the pie* = to be involved in something; *in the soup* = in serious trouble, in a bad situation; *to have a bun in the oven* = [used humorously] be pregnant; *gravy train* = well-paying job; *a wooden nutmeg* = a false or fraudulent thing.

4. Уровень паремиологии.

В матрице потребностной кодированной коммуникации, как видим, явно прослеживается процесс постепенного развербывания кодируемой информации от лексического знака к его конгломертам – к кластерам знаков, образующих высказывания. Одной из важных потребностей этносоциума является формирование собственных ценностей, которые неминуемо, будучи сформированными, осваиваются этносоциумом и помещаются ими в собственную «генетическую память» в виде устойчивых образов, непременно оформляемых вербально.

Регулярное обращение к ним этноса формирует ценностное к ним же отношение: с течением времени они становятся тем, что емко номинируется как «мудрость народа»; однако, время стирает некоторые семантические

связи между образом и понятием, в результате сам образ, стоящий за таким ценностным высказыванием, осознается как закодированный.

В центре паремиологической зоны англоязычной гастрономической потребностной коммуникации располагается базовый глагольный код «Eating» («Есть, поедать»), который рефлексирован во множестве паремиологических единиц. Его декодирование направляет смысл в русло социальных отношений и житейской мудрости социума: *Who means to have the egg must endure the cackling of the hen* – Букв. Тот, кто хочет яичка из-под курочки, должен заставить ее кудахтать → **закодированный смысл** «чтобы жить и существовать, следует усердно трудиться»; *Hope is a poor man's bread* – Букв. Надежда – хлеб бедняка → **закодированный смысл** «всегда надо надеяться на то, что беда пройдет, а добрые времена наступят»; *The belly is not filled with fair words* – Букв. В сытом брюхе нет честных слов → **закодированный смысл** «Богачи всегда лживы и лукавы»; *A honey tongue, a heart of gall* – Букв. Язык в меду, а сердце галла → **закодированный смысл** «Не верь сладким и льстивым речам, они обманчивы» (галлы, т.е. норманны англосаксами расценивались как велеречивые и коварные люди); *Great boast, small roast* – Букв. Много похвальбы, да жаркого маловато → **закодированный смысл** «судят человека не по его словам, а по его делам».

5. Уровень текста / дискурса.

На этом уровне матрицы потребностной кодированной коммуникации располагаются различные конфигурации кластеров потребностных кодированных знаков, погруженные в широкую коммуникативную среду и своеобразно цементирующие ее. Текстовое и дискурсивное пространство, в которое эти единицы попадают, либо раскодируются в нем, либо сами обеспечивают текстовое или дискурсивное развертывание, поскольку именно они составляют семантический центр (смысл) соответствующего текста или дискурса. Именно здесь сходятся воедино все вышеописанные уровни матрицы кодированной потребностной коммуникации. Покажем это на примере обеспечения кодирования / декодирования значения потребностного знака «*pie*» – *пирог* в ходе дискурсивного или текстового развертывания.

1. Невербальный уровень.

На невербальном (визуальном уровне) с образом *pie* регулярно связаны ассоциации оболочки и ее содержимого, причем образ включает обязательный (доминирующий) признак «тесто» (*pastry*) и семантически варьируемый образ начинки (*filling*).

В ассоциативную семиотическую зону попадает акциональная составляющая – процесс изготовления пирога, для британских домохозяек и кулинаров составляющая целый ритуал (см., например, высказывание Джейми Оливера, известного британского повара и кулинара: «Since my childhood I have sucked in the smell of Mummie's Christmas pies and until now I do visualize their preparation and cooking that all together compiled a solely domestic ritual – an «Only-Mother-Can-Do-It-Ceremony» (Jamie Oliver's «Naked Cook»).

Процесс создания пирога на самом деле семиотически визуализируется как ритуальное действие: тесто замешивают, затем отстаивают, снова взбивают, снова дают отстояться, при этом строго-настрого запрещено домашним ходить или бегать вокруг стола, на котором отстаивается тесто. Наконец, оно торжественно помещается в центр стола, начинается процесс его раскатывания, последующего наполнения начинкой, накрывания начинки другим слоем теста, зашпывания краев, украшения верха тестяной крошкой или тестяными фигурками, и, наконец, помещения готового пирога в духовку. Ритуальным действием могут считаться также и торжественное доставание пирога из печи вместе с торжественным его водружением на праздничный стол под гул одобрения и аплодисменты гостей.

2a. Вербальный диахронный уровень.

Лексема *pie* претерпела серьезную историческую и этнолингвокультурную перекодировку: как следует из этимологического комментария толкового словаря, источниками современного слова оказались заимствованные из латыни смыслы «паста, пастообразное вещество» и «птица со-рока»; первое семиотически связано с образом оболочки (паста из муки, т.е. тесто), второе – с разнообразной начинкой (сорока-воровка тащит в свое гнездо все без разборю), ср.:

pie – *pastry*, mid-14c. (probably older; *piehus* »bakery» is attested from late 12c.), from Medieval Latin *pie* »meat or fish enclosed in pastry» (c.1300). perhaps related to Medieval Latin *pia* »pie, pastry.» The etymology of the word

pie may come from Medieval Latin *pica* or *pia*, «pasty,» and the earliest use of the Middle English word *pie* is earlier (1199) than the first use of Medieval Latin *pica* (c. 1310) or *pia* (1230). It has been suggested that Medieval Latin *pica* may be from Latin *pīca*, «magpie.» The connection could have been made because the miscellaneous nature of pie ingredients might have brought to mind either the magpie's piebald coloration or its habit of collecting miscellaneous items. In any case, the first pies contained fowl, fish, or meat; the first certain recorded mention of a fruit pie is in Robert Greene's *Arcadia*, published in 1590: «Thy breath is like the steame of apple-pyes.»

Так два образа сложились в ходе истории в один, ныне семиотически неразделимый (тесто + начинка → пирог).

26. Вербальный синхронный уровень.

Кодом выступает сама семантика единицы **pie** – см. дефиницию: **pie** *noun* – a baked food composed of a shell of pastry that is filled with fruit, meat, cheese, or other ingredients, and usually covered with a pastry crust.

В то же время, максимальной степени кодирование на данном уровне достигается в том случае, когда номинация **pie** получает детерминант и тогда требует раскодирования, поскольку неясен тот образ пищи (пирога), который стоит за названием. Так, перечислим только некоторые из видов пирогов, которые популярны в Британии: Apple pie, Bacon and egg pie, Banoffee pie, Bedfordshire clanger, Butter pie, Chicken and mushroom pie, Corned beef pie, Cottage pie, Curry pie, Custard pie, Devizes pie, Fish pie, Game pie, Hammy pie, Killie pie, Meat and potato pie, Melton Mowbray pork pie, Mince pie, Pork pie, Rhubarb pie, Scotch pie, Squab pie, Stargazy pie, Steak and kidney pie, Steak and oyster pie, Steak pie, Strawberry rhubarb pie, Woolton pie.

Если мало-мальски прозрачна семантика номинаций Apple pie, Bacon and egg pie, Butter pie, Chicken and mushroom pie, Fish pie, Game pie, Meat and potato pie и т.д., то для неискушенного гурмана совершенно размыт семиотический образ таких пирогов как Rhubarb pie, Melton Mowbray pork pie, Woolton pie, Banoffee pie, Bedfordshire clanger. Ключ к раскрытию кода – в этнолингвокультурной информации, содержащейся в словарях соответствующего типа (Например, в Longman's Dictionary of Language and Culture или в энциклопедиях, в том числе и сетевых, подобных Википедии).

2в. Вербальный синхронный сленгизованный уровень.

Рассматривая актуализацию кода лексемы **pie** на этом уровне матрицы потребностной кодированной коммуникации, обратим внимание на широкий спектр семиотики кодирования. Разброс тематических зон семантики лексемы весьма значителен (от сексуальных отношений до наркотиков), о чем свидетельствуют дефиниции ЛСВ¹⁻³ сленгизма **pie**:

Pie n.

1. Crude sexual slang word used to refer to a woman's vagina
2. A slang word that can be used to answer any question known to man, and can be an excuse if you do not know the answer to the question
3. A slang word for an unspecified type and quantity of drugs (not necessarily coke)

Кроме того, лексема с детерминантом *pork* (*pork pie / porkie pie*) выступает в диалекте лондонского кокни как сленгизм со значением «ложь» или «лгун» (*pork pie / porkie pie often shortened to porkie, is the Cockney rhyming slang term for lie*).

3. Уровень фразеологии.

Актуализация семиотического кода лексемы **pie** в потребностной кодированной коммуникации оказалась количественно минимальной: нам удалось обнаружить всего лишь одну идиому *pie in the sky* = An empty wish or promise (беспочвенные или тщетные ожидания / надежды); тем не менее можно говорить о представленности подобного феномена в рассматриваемом виде коммуникации.

4. Уровень паремологии.

За образом **pie**, сформированным его семантикой, скрывается кодированная социальная значимость (ценность): нами были обнаружены такие ценностные смыслы, раскодируемые при толковании паремий с центром **pie**:

Better some of the pudding than none of the pie = Если нет пирога, то хоть кусочек пудинга «Следует довольствоваться малым в жизни»; *You cannot eat your cake and have it* = Нельзя одновременно есть пирог и иметь его → ценностная сентенция «Нельзя делать два дела одновременно»; *Promises are like pie-crust, made to be broken* = Обещания похожи на корку от пирога: пирог выпекают с корочкой, чтобы потом ее надломить, а обещания дают, чтобы потом их нарушать → ценностная сентенция «не верь первому встречному».

5. Уровень текста / дискурса.

Вершина актуализации кодированной информации о семантике *pie* обнаруживается в текстовой / дискурсивной реализации значения глоттонима (гастрономической номинации). Это очевидно при анализе погружения глоттонима *pie* в среду художественного дискурса, одним из продуктов которого являются тексты произведений Чарльза Диккенса и Рекса Стаута. Именно здесь, на данном уровне происходит реализация части модели кодированной потребностной коммуникации «связный кластер высказываний (текст и дискурс) → код → семантический центр (смысл)». Приведем примеры.

(1) *On the occasion of this domestic little party, I did not repeat my former extensive preparations. I merely provided a pair of soles, a small leg of mutton, and a pigeon-pie* («David Copperfield»). – На сей раз я не делал каких-либо особых приготовлений к приему гостей. Я заказал только камбалу, небольшую баранью ногу и **пирог с голубями** («Дэвид Коперфилд»).

(2) *...the table groaning beneath the weight ... of boiled beef, roast veal, bacon, pies and abundance of such heavy vegetables as are favourably known to housekeepers for their satisfying qualities* («The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit»). – ...стол ломился под тяжестью ...разварной говядины, жареной телятины, грудинки, **пирогов, паштетов** и изобилия тех неудобоваримых овощей, которые пользуются особым уважением хозяек за их насыщающие свойства («Мартин Чезлвит»).

(3) *Wolfe lifted his brows. «Yes? Wait till you taste terrapin Maryland. Or even, if I may say so, oyster pie a la Nero Wolfe, prepared by Fritz Brenner.»* Вулф поднял одну бровь. – Вот как? Подождите высказывать окончательное суждение, пока вы не попробовали черепаховый суп Мериленд или **устричный пирог а ля Ниро Вулф, приготовленные Фрицем Бреннером** (Рэкс Стаут, «Слишком много поваров»).

В примере (1) фиксируется этнокультурный семантический центр кодирования – *a pigeon-pie* (пирог с голубями). Здесь закодированным является явная этническая принадлежность протагониста романа – он британец, что очевидно уже по выбору блюда, характеризующегося бесспорной «английскостью» (термин Р. Барта). Только в Британии в пироги было принято класть голубей, о чем свидетельствуют многочисленные кулинарные книги Британии XIX-XX столетий.

Второй пример (2) также фиксирует этничность потребностного кода: во-первых, *pie* находится в окружении типично английского кулинарного репертуара блюд (*boiled beef, roast veal, bacon, pies and abundance of such heavy vegetables*); во-вторых, латентный образ пирога как тестяной оболочки для мясного паштета, что характерно именно для кулинарных традиций Великобритании, вербализован в переводе примера («**пирогов. паштетов**»).

В (3) этнический код имеет другой смысловой вектор – североамериканский: его успешное декодирование в рамках художественного кулинарно-ориентированного текста возможно благодаря этноспецифичному глоттониму (*terrapin Maryland* – черепаховый суп Мериленд, приготовляемый только в этом штате США), употребленному в том же контексте, а также этноспецифике происхождения самого блюда *oyster pie a la Nero Wolfe* – пироги с устрицами делают также только в южных штатах США.

Таким образом, матрица актуализации кодированной потребностной (гастрономической) коммуникации была нами описана с использованием только одной лексемы *pie*, что вполне истинно для других элементов глоттонической системы английского языка.

Библиографический список:

1. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Раздел «Лингвосемиотика»: 7-1. Лингвосемиотика витальных потребностей (С. 246-250). 7.2. Семиотика глоттонического дискурса (С. 250-262) // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012

2. Гашимов Э.А. Лингвокультура потребностного кода (состав, функционирование, лингвокультурное декодирование). Монография. ООО «Книга», Москва, 2009